

ПЕРЕВОРОТ. РЕТРОСПЕКТИВА ПО ГОВОРУХИНУ

"Я уже так много интервью за эти дни дал", — слегка утомленно (но очень, очень по-мужски, как и положено) кокетничает Супер-Режиссер Эпохи Перестроек Говорухин. Так ведь, наглюю, все от уровня исполнения зависит. Совсем уже отбросив скромность (подточенную нервными годами изнурительного репортерства), тихо-нечко почти хамлю. "Ведь фильмы тоже разные режиссеры снимают. И много. А то, что "так жить нельзя", все поняли только после вашей картины". Ладно, якобы сдается Режиссер. Когда? А вы где теперь живете, уточняю. Улица Академика Пилюгина? Так мы через полчаса у вас будем. Подъезжаем. "Милая, где здесь Говорухин живет?" — осведомляюсь я у девочки (возраста и привлекательности набоковской Лолиты), томно выгуливавшей собаку, комплекцией своей напоминающую древний род Баскервилей. "А вот этот дом: за заборчиком", — строит глазки обладательница злобного пса. Я рассчитал верно. Все собачники в округе друг друга, как правило, знают. А у Говорухина был симпатичнейший бассет Антип (жив ли?). Воспроизвожу фрагмент из нашего интервью, напечатанного французским журналом VSD. На языке оригинала, с диктофонной ленты.

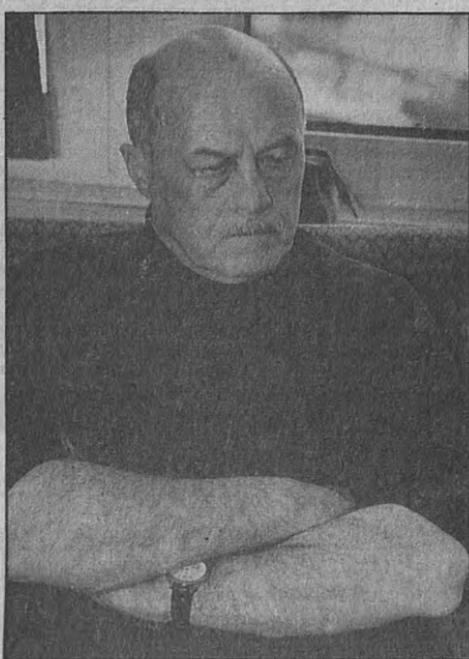
— Но это же безумие: все они (ГКЧП. — Е.Д.) оказались засранцами! Я не могу сказать преступники — засранцы! Что с ними делать? Убийцы и садисты всего мира приветствовали этот переворот! Реакцию Хусейна можно было понять, и уже это свидетельствует о том, что дело проиграно! Я много раз говорил: очевидно, в Советском Союзе распад КПСС выльется в то, что она будет объявлена вне закона. Я, конечно, не предполагал, что это случится так быстро. Она, партия, самораспустилась. Ее нет сейчас. Побегут пулей оттуда все. И дай Бог, чтобы ее не объявили вне закона, как это сделали латыши и еще кто-то, потому что, мне кажется, это уже перебор. Сейчас надо быть великодушным в такой ситуации.

— А вы не боитесь, что со временем, через год-два, когда народ увидит, что колбасы больше в магазинах не стало... вы поняли вопрос?

— Конечно. И — боюсь! Поэтому и сказал, что это самые страшные враги остались. И против этого, против народного бунта никакие толпы москвичей не помогут, как ты понимаешь. И тут уж никто не спасет. Это вам не армия, не КГБ. Народ сомнет.

— Вы уверены в новых лидерах? В тех людях, которые сейчас придут к власти? В ельцинской, условно говоря, команде? Они способны вытянуть страну? Не пора ли нам все-таки варягов звать?

— Ельцин, я его обожаю, всегда слежу... С самого начала, с 1987 года, с октябрьского пленума. Но, тем не менее, я не верю в Ельцина. Отдав за него голос и призвав других голосовать за него, я все-таки говорю, что я в него не верю. Потому что как талантливый полководец ничего не может сделать без армии, так талантливый государственный деятель ничего не может сделать без государства. Но государства у Ельцина не было. А сейчас оно есть,

т.е. есть независимая по сути Россия. Ельцин, я считаю, — талантливейший государственный деятель. Я полон надежд, что он справится с этими трудностями, не ударится в эйфорию, не будет тратить свою нервную энергию на наказание виновных.

— Вы с ним встречались когда-нибудь лично?

— Несколько раз. Но так вот: "Здравствуйте, Борис Николаевич, у вас вот хочу взять интервью" (так же, как ты, например). После: "Борис Николаевич, вы собираетесь посмотреть картину "Так жить нельзя"? Говорит: "Да, да, я вот-вот посмотрю". Я ему: "Нельзя же так, Борис Николаевич, ну как не стыдно, вы же один остались уже. Я ведь для вас делал, можно сказать, а вы даже не посмотрели". Все наши встречи этим и заканчивались.

— Что это за надпись там на указе Ельцина от 19 августа? "Гале от мужа Гали от имени Гали и от моего. С любовью, Слава. 22.VIII.91".

— Это Мстислав Ростропович моей Галине на прощание написал. (Он ведь женат на Гале тоже, Вишневской). Я встретил его в коридорах Белого дома. Оказалось (он мне так сказал), приехал погнубить. Был абсолютно в этом убежден. Погибнуть, высоким стилем выражаясь, за Родину. Он всю ночь в Париже составлял завещание. Все распоряжения отдал: "Шнитке вернуть 200 тысяч марок", "у нас с ним договор...". Только после этого он улетел в Москву. Андрон Кончаловский давал интервью в Шереметьеве перед отлетом, числа 20-го. Говорил: "Я боюсь. Я боюсь". У меня вызывает уважение его искренность. Тем более, это мой любимый режиссер. Но как он отличается от Ростроповича! Тот не боится. (Тот, наверное, тоже боится, но преодолеть страх смерти — это и есть мужество.)

Тем давним днем гостил у Супер-Режиссера Евгений Ю. ДОДОЛЕВ.

17 авг. - 65
1996
Мск. май 91

